

<https://doi.org/10.18778/0208-6050.55.05>

Александр И. Остапенко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1919–1920 ГГ. В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

События, связанные с советско-польской войной, уже давно стали частью истории. Однако, уйдя в прошлое, они продолжали оказывать заметное влияние на жизнь европейского сообщества. Военные и гражданские историки продолжают анализировать ход боевых операций, проникать в глубины созданных войной политических, территориальных и национальных противоречий. Их основная цель – извлечь уроки на будущее с точки зрения мировой, европейской и национальной истории.

Данный доклад посвящен анализу основных направлений англоамериканской историографии советско-польской войны. Мы концентрируем свое внимание на рассмотрении американскими и английскими учёными хронологических рамок войны, ее причин, задач и характера. Кроме того бажными, на наш взгляд, представляются оценки Рижского мира, попыток пограничного урегулирования, национальной политики, взаимоотношений польских лидеров с русскими белыми генералами.

В развитии зарубежной историографии можно выделить три периода. В 1921–1939 гг. происходило накопление фактического материала. Советско-польская война рассматривалась как часть проблемы, связанной с возрождением и становлением Польского государства¹.

Начало второй мировой войны и потеря Польшей государственной независимости усилили международную значимость польского вопроса.

¹ S. Boncza, *Joseph Pilsudski Founder of Polish National Independence*, London 1921; H. H. Fisher, *America and the New Poland*, New York 1928; W. K. Korostowetz, *The Re-Birth of Poland*, London 1928; V. D'Abernon, *The Eighteenth Decesive Battle of the World: Warsaw 1920*, London 1931; W. Korostowetz, *Seed and Harrest*, London 1931; R. Marchray, *Poland, 1914–1931*, London 1932; G. Humphrey, *Pilsudski Builder of Poland*, New York 1936; E. Wollenberg, *The Red Army*, London 1938.

Главным для западных исследователей с 1939 по 1945 г. был вопрос об условиях национального возрождения Польши в ее послевоенных границах, которые ставились в исторической ретроспективе². На первый план выдвигались моменты, связанные с проведением восточной границы и предложения со стороны Антанты, самой Польши и большевиков в 1918–1921 гг. Вместе с тем политическая актуальность порой оттеняла научную объективность. Слабой была и источниковая база работ.

Подведение итогов второй мировой войны и определение новых границ Польского государства снизило в некоторой степени политическую остроту проблемы. В 1946–1980 гг. появились монографии, в которых тема советско-польской войны является основной³. В эти годы исследования по славянской проблематике ведутся наряду с отдельными учёными и специальными научными центрами: Центром русских исследований Гарвардского университета, Школой славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. Привлекаются опубликованные документы, материалы зарубежных архивов. Вместе с тем ощущается явный дефицит источников из советских архивов, что порождает некоторую односторонность в исследовании событий.

Рассматривая англо-американскую историографию в целом, нельзя не упомянуть присущую ей особенность, которая заключается в том, что подавляющая часть авторов принадлежит к польскому зарубежью и является польскими иммигрантами или их потомками, работающими в университетах Великобритании и Америки. Очевидно, что этот факт оказывает влияние на позицию авторов и определяет неразрывность традиций всей зарубежной историографии советско-польской войны.

Вместе с тем некоторое национальное единство зарубежной историографии не означает идентичности взглядов. Симпатии авторов чаще всего диктовались их поддержкой того или иного течения в политической жизни Польши.

Различные точки зрения высказываются в связи с началом войны. В фундаментальной работе британского исследователя Н. Дэвиса, *Белый орел, Красная звезда. Польско-советская война 1919–1920* начало войны определяется 1919 годом. „Это была война – подчёркивается в книге – стремительный ход которой в 1920 г. находится в определенном конфликте с ее незаметным началом”. Именно „поэтому – считает автор – многие историки полностью игнорируют первый год войны”.

² P. Jordan, *Great Britain and Poland*, London 1943; J. Weyers, *Poland and Russia*, London 1943; M. M. Laserson, *The Curzon Line. A History and Critical Analysis*, New York 1944; S. Kononov, *Russo-Polish Relations*, Princeton 1945.

³ P. S. Wandycz, *Polish-Soviet Relations 1917–1921*, Cambridge 1969; N. Davies, *White Eagle Red Star. The Polish-Soviet War 1919–1920*, London 1972.

По мнению Дэвиса, подобную ошибку делает большинство советских историков и английских исследователей как Е. Х. Карр и А. Ж. П. Тейлор, которые начало советско-польской войны относят к походу Пилсудского на Киев в апреле 1920 г. Доказывая ошибочность такого подхода, Дэвис отмечает, что при игнорировании пограничных конфликтов 1919 г. невозможно понять, почему две истощенные нации перешли к активным военным действиям в 1920 г.⁴

Вялый ход событий в 1919 г. Дэвис объясняет тем, что „поляки и Советы были неспособны вступить в сражение друг против друга по причине сложной политической ситуации, баланс в которой поддерживался германской армией”. Решение германского правительства об эвакуации войск „позволило полякам и Советам вцепиться друг другу в горло”⁵, тем более, что „вывод германских войск создал вакуум между польскими и советскими частями, двигавшимися спонтанно”⁶.

Мнение Н. Дэвиса о начале советско-польской войны представляется нам обоснованным.

Важным моментом является оценка американскими и английскими историками причин, задач и характера войны. В этом отношении существует сложившаяся концепция, согласно которой война с советской стороны рассматривается как революционная, преследовавшая цель советизации Польши и соединения русской революции с германской и всей западноевропейской, что в конечном итоге должно было обеспечить выживание революции в России. Война со стороны Польши представляется как оборонительная, связанная с учреждением восточных границ и возрождением национального государства. Вместе с тем далеко не все претензии и действия варшавского правительства расценивались как справедливые.

Нужно сказать, что во многом эта концепция отражала суть событий.

Основа этих взглядов была заложена в межвоенный период. Так, английский исследователь Р. Мейчри в книге *Польша, 1914–1931* утверждает, что советская граница идентифицировалась „с фронтом мировой революции”, а „план Пилсудского давал нерусским народам возможность избежать большевистской тирании”⁷. Главный итог войны состоял в том, что поляки спасли Европу от большевизма⁸.

Аналогичный подход обнаруживается и в монографии американского учёного Г. Хамфри. В своей работе *Пилсудский – создатель Польши* он пишет, что идея похода на Польшу созрела у Троцкого два дня

⁴ Davies, *op. cit.*, с. 22.

⁵ Там же, с. 23.

⁶ Там же, с. 27.

⁷ Machrey, *op. cit.*, с. 136.

⁸ Там же.

спустя после подписания Антантой перемирия с Германией. Главной задачей этого наступления было перенесение большевистской революции в страны Европы, а для этого большевикам неизбежно „пришлось бы начать с Польши, исходя из ее ближайшего географического положения”⁹. Положительной оценки удостоивается деятельность Пилсудского, который „предложил конструктивный план для Восточной Европы, состоявший в том, чтобы отодвинуть владения России к востоку и спасти таким образом как можно большие территории от большевизма и затем сформировать из отколовшихся от России Латвии, Эстонии, Литвы, Польши и Украины федерацию государств”. Только такое объединение способно составить, по мнению Хамфри, „надежный заслон против советской республики и мировой революции”¹⁰.

Своеобразием подходов отличается работа русского иммигранта В. К. Коростовца *Возрождение Польши*. Анализ событий внутренней и внешней политики Польши ведется им с русских патриотических позиций. В работе присутствуют два образа: образ великой России и великой Польши. При этом автор показывает, что защиту истинных интересов России берут на себя белые генералы, а большевики осуществляют разрыв традиций, выступают лишь защитниками всемирной революции. Для поляков на первый план выдвигалась идея возрождения великой Польши за счёт России. Советско-польская война оценивается в духе уже упомянутой концепции как война большевистской России со всей капиталистической Европой¹¹.

В 1939–1945 гг. интерес к политическим оценкам советско-польской войны был дополнен вниманием к решению территориальных проблем. В отношении к характеру столкновения произошли некоторые изменения. Глубинные причины конфликта объясняются противостоянием передовой западной цивилизации, к которой, естественно, относится Польша с ее свободолюбивыми демократическими традициями, и замкнутой и воинственной цивилизации восточной, представленной Россией. В послевоенные годы идея противостояния двух цивилизаций была повторена в работе профессора истории Йельского университета П. С. Вандича *Советско-польские отношения 1917–1921*. Основу противоречий этих миров автор усматривает в различном влиянии на историческое развитие государства православия и католичества. При этом прогресс ассоциируется у Вандича с католичеством¹².

Особая миссия Польши в противостоянии большевизму, идеализация националистических устремлений польских руководителей нашли

⁹ Humphrey, *op. cit.*, с. 187.

¹⁰ Там же, с. 197.

¹¹ Korostowetz, *The Re-Birth of Poland*, с. 45–47.

¹² Wandycz, *op. cit.*, с. 1–64.

отражение в работе американского профессора по истории международных отношений из университета в Джорджии, поляка по национальности, Р. Дебицкого¹³.

Своеобразный итог в развитии концепции советско-польской войны подводят две книги профессора школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета Н. Дэвиса. Несмотря на большую объективность в оценках по сравнению с некоторыми предшественниками работам Дэвиса также присуще облагораживание целей конфликта, поставленных польской стороной. В книге *Сердце Европы. Краткая история Польши* задачи противоположных сторон характеризуются следующим образом: „Для большевиков, поглотивших вспышкой революционного энтузиазма, продвижение на запад являлось идеологической необходимостью, целью его было обеспечение выживания революции в России. Для них Польша была «красным мостом», который необходимо было пересечь, чтобы соединить Россию с Германией и передовыми индустриальными странами Европы, где революция должна была начаться, согласно их планам, в ближайшее время. Для поляков, и для Пилсудского в частности, конфликт с Советской Россией означал испытание, от которого зависело – будет ли мощь царской России восстановлена большевиками и смогут ли нации пограничных территорий противостоять российскому империализму в его новом социалистическом облике”¹⁴.

Значительно большим разнообразием по сравнению с оценками войны отличаются трактовки Рижского мира. Неординарным является отношение к итогам советско-польской кампании уже упоминавшегося В. К. Коростовца. „Новая граница – пишет он – не только значительно превосходила границы Польши, проектируемые союзными державами, в чье намерение входило более или менее точно определить этнографические пределы этого государства на востоке путем «линии Керзона», но даже устремления наиболее ярых польских шовинистов”. Мотивы большевиков, принявших такую границу, автор усматривал в том, чтобы „включить в Польшу как можно больше непопольского населения, которое вскоре же под влиянием польской шовинистической политики составило бы антипольский плацдарм и представило бы плодотворную почву для восприятия большевистской пропаганды”¹⁵. Интернационализм советского руководства, по мнению Коростовца, вступал в противоречие с государственными интересами России.

В период 1939–1945 гг. отношение к Рижскому миру ограничивалось главным образом оценкой пограничной линии, признанной в договоре.

¹³ R. Debicki, *Foreign Policy of Poland 1919–1939*, New York 1963.

¹⁴ N. Davies, *Heart of Europe. A short History of Poland*, Oxford 1987, с. 116.

¹⁵ Korostowetz, *op. cit.*, с. 45–47.

В ходе второй мировой войны стало очевидным, что послевоенные границы на европейском континенте претерпят существенные изменения. В этих условиях англо-американская историография видела главную задачу в отстаивании довоенной границы между Польшей и Россией. Подобная цель ставилась, в частности, в работе английского исследователя Дж. Вейерса *Польша и Россия*. Упомянув о том, что граница второго раздела Польши (1793 г.) „практически соответствовала границе, закрепленной в Рижском мире 1921 г.“, автор утверждает, что именно эта линия „представляла полное исполнение русских политических целей, т.е. свободного доступа к обоим морям“¹⁶. Иначе говоря предлагалось оставить Западную Украину и Западную Белоруссию в составе Польши. Положительной оценки в данном исследовании удостоивается политика польской стороны. Действия Советского правительства, подписавшего договор, признаются конструктивными. Сам же мир, явившийся все же жертвой со стороны Польши, „был наиболее реальным из всего, что можно желать“¹⁷.

Резко отрицательное отношение Вейерс высказывает в адрес „линии Керзона“, примерно соответствовавшей линии третьего раздела Польши (1795 г.)¹⁸.

Взвешенный подход к проблеме советско-польской границы обнаруживается в работе американского профессора М. М. Ласерсона *Линия Керзона. Исторический и критический анализ*. Автор считает, что ряд обстоятельств, совпавших „с отстранением России от дискуссий на Парижской мирной конференции, сделал совершенно неизбежным то что, хотя Польша и была восстановлена как государство, ее восточные границы после подписания 28 июня 1919 г. Версальского мира остались неопределенными“¹⁹. Отстаивая это положение, американский исследователь подчеркивает: „Этнографически, по языку, северная часть [земель доставшихся Польше – А. О.] являлась просто западным географическим продолжением Восточной Белоруссии, которая формально принадлежала Советскому Союзу и именовалась Белорусской Советской Социалистической республикой. Подобно этому южная или украинская часть Восточной Польши была западным продолжением Восточной Украины или Украинской Советской Социалистической республики“²⁰. Более обоснованной границей Ласерсону представляется „линия Керзона“.

¹⁶ Weyers, *op. cit.*, с. 6.

¹⁷ Там же, с. 16.

¹⁸ Там же, с. 8.

¹⁹ Laserson, *op. cit.*, с. 3.

²⁰ Там же, с. 3–4.

Оценка Рижского мира как разумного компромисса продолжала существовать и в 60-е годы²¹. Однако в этот период появились и иные подходы. Так, согласно мнению американского исследователя П. С. Вандича: „Рижский мир, подписанный в марте 1921 г., означал только первый шаг, негативные последствия которого были более очевидны для Польши, чем для России”²². Эта точка зрения получила свое развитие в монографии Н. Дэвиса *Белый орел, Красная звезда*. „Объективно трудно признать чью-либо победу – замечает он – Ни одна из целей войны не была достигнута. Советы не вышли из изоляции, не сумели добиться распространения революции на Европу [...] Поляки же не сумели установить федерацию, возродить древнее содружество от Черного моря до Балтики. Результат советско-польской войны не был компромиссом. Это был тупик, а не решение проблемы”²³.

В реальной жизни проблемы мира, границ неотделимы от вопросов национальной политики. Они наряду с другими моментами оказали заметное влияние на ход советско-польской войны и ее результаты. Естественно это объединение проблем и для зарубежной историографии.

В исследованиях межвоенного периода пропольской ориентации прослеживается положительное отношение авторов к федералистской концепции Пилсудского, которая, по их мнению, была направлена на всеобщее благо²⁴. Пилсудский – отмечает Г. Хамфри – „не был империалистом, действовавшим только для Польши, он был федералистом и хотел самоуправления для всех”²⁵.

Иные оценки содержатся в монографии В. К. Коростовца, который считает, что Пилсудский путем союзов с Савинковым, Петлюрой, Булак-Балаховичем пытался реализовать проект федерации. Характерной чертой деятельности варшавского руководства была, по мнению автора, политика ополячивания, сопровождавшаяся разрушением православных церквей²⁶. Не одобряет В. К. Коростовец и политику большевиков, которые проводили денационализацию украинцев и белоруссов и стремились превратить их в „международных коммунистов”²⁷.

С несколько иной стороны к национальному вопросу подходит Вейерс. При помощи анализа национального состава населения, оставшегося на русской и польской стороне после подписания Рижского мира, он стремился доказать, что территории, отошедшие к Польше,

²¹ Debicki, *op. cit.*, с. 34.

²² Wandycz, *op. cit.*

²³ Davies, *White Eagle Red Star*, с. 238, 258–259, 262–263.

²⁴ Machray, *op. cit.*, с. 136; Humphrey, *op. cit.*, с. 195–198.

²⁵ Humphrey, *op. cit.*, с. 197.

²⁶ Korostowetz, *op. cit.*, с. 175.

²⁷ Там же.

и с точки зрения национальных критериев являются польскими, т.к. самую многочисленную группу на них составляют поляки²⁸. Не отрицая в принципе приведенного факта, заметим, что Вейерс пользуется данными 1939 г., когда число лиц польской национальности на этих землях по сравнению с 1921 г. значительно увеличилось, но даже и в это время поляки насчитывали менее 40% от общего состава населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Другими источниками пользуется американский исследователь Ласерсон. Его вывод противоположен Вейерсу: проживание польского этнографического большинства ограничивалось „линией Керзона”, восточнее же этой линии основную часть жителей составляли украинцы и белорусы и поэтому эти территории являлись продолжением этнографической Украины и этнографической Белоруссии²⁹. Рассматривая реалии Рижского мира, выразившиеся в разделении украинской и белорусской территорий между Польшей и Россией, он явно не симпатизирует такому исходу.

Рассмотренные оценки межвоенного и военного периодов остались неизменными и в историографии 60-х годов.

Негативную оценку получает национальная политика большевиков в работе американского исследователя польского происхождения Р. Дебицкого. Он полагает, что существовавшие в польском обществе федералистская и инкорпорационная программы „базировались не только на стратегических, экономических и исторических аргументах, но также на убеждении, что отделение белорусских земель от Польши означало подчинение их тирании коммунизма”³⁰. Способствовало этому и слабое национальное самосознание белорусского народа³¹.

С подобных позиций Дебицкий рассматривает и украинский вопрос. Поход Пилсудского на Киев он объясняет его желанием „освободить украинцев и белорусов, оперируя революционным лозунгом – »За нашу и вашу свободу»”³². В отличие от белорусского вопроса украинский предусматривалось решать на базе федералистской концепции, т. е. унии будущей независимой Украины с Польшей. Провал программы Пилсудского произошел, по мнению Дебицкого, вследствие неправильной оценки его союзником Петлюрой возможности всеобщего патриотического восстания на Украине³³.

²⁸ Weyers, *op. cit.*, с. 14, 27–29.

²⁹ Laserson, *op. cit.*, с. 3–4, 8–9.

³⁰ Debicki, *op. cit.*, с. 27.

³¹ Там же, с. 26.

³² Там же, с. 31.

³³ Там же.

В соответствии с традициями польской историографии в работе Дебицкого рассматривается и национальная политика большевиков³⁴.

Скептически относится к большевистскому принципу права наций на самоопределение и другой американский исследователь П. С. Вандич. Он отмечает, что „принцип национального самоопределения понимался Советами в зависимости от интересов пролетариата и являлся теоретической базой для советской экспансии”³⁵. Именно с таких позиций подходило советское руководство к учреждению советских республик³⁶.

В близком ключе рассматривает национальные проблемы советско-польской войны и профессор из Лондона Н. Дэвис, полагая, что и Польша, и большевистская Россия чаще всего рассматривали украинский вопрос в ракурсе своих стратегических интересов³⁷.

На состояние советско-польских отношений в 1917–1921 гг. заметное влияние оказывали действия белых армий. В той части англо-американской историографии, для которой характерны пропольские взгляды, события, связанные с Колчаком, Юденичем, Деникиным, Врангелем оцениваются, как правило, весьма сдержанно. Ревниво воспринимается поддержка Антантой основных целей их движения, направленных на восстановление небольшевистской единой и неделимой России.

Двойственная политика польского руководства в отношении белых армий показывается в работе Коростовца. Автор отмечает, что в период успешного продвижения Деникина поляки были любезны с ним, но вместе с тем они делали все, чтобы лишить его притока свежих сил. Для этого они чинили трудности тем иммигрантам и беженцам, которые хотели присоединиться к Деникину³⁸. Согласно приведенным фактам белое движение никогда не питало иллюзий на получение поддержки со стороны национальных окраин и особенно от Польши.

Более глубокий анализ событий, связанных с отношениями белых генералов с поляками, содержится в послевоенной историографии. В работе П. С. Вандича на основе большого фактического материала доказывается, что успехи белых на большевистском фронте создавали возможность польско-советского сближения. Стремление русских генералов восстановить единую и неделимую Россию не находило поддержки у национальных окраин и препятствовало формированию единого антисоветского фронта. „Варшава – пишет Вандич – не показала заинтересованности в организации антибольшевистского крестового

³⁴ Там же.

³⁵ Wandycz, *op. cit.*, с. 66.

³⁶ Там же, с. 67–70.

³⁷ Davies, *op. cit.*, с. 29–31, 257–260.

³⁸ Korostowetz, *op. cit.*, с. 19, 175, 192.

похода. Помогать белым означало подвергать опасности собственную восточную программу, а отношение Антанты показывало, что русские интересы получают приоритет над польскими требованиями³⁹.

Той же точки зрения придерживается Н. Дэвис. В частности он отмечает: „полное поражение Советов совсем не обязательно обернулось бы выгодой для Польши. Если бы Советский режим был бы заменен правлением Деникина, польская независимость была бы обеспечена еще меньше, чем при Советах⁴⁰”.

В заключение можно сказать, что англоязычная историография советско-польской войны, представленная главным образом польским зарубежьем, с разных точек зрения защищала национальные интересы Польши. Нельзя не отметить ее политизации, т.е. выдвигание на первый план тех исторических событий, которые обосновывали желаемое решение современных автору политических проблем.

Односторонний подход, который был свойственен также и для отечественной историографии, может быть в определенной степени преодолен за счет изучения работ английских и американских исследователей.

Aleksander I. Ostapienko

NIKTÓRE PROBLEMY SOWIECKO-POLSKIEJ WOJNY Z LAT 1919–1920 W ANGLOJĘZycznej HISTORIOGRAFII

Historia wojny sowiecko-polskiej z lat 1919–1920 stanowi nieprzerwanie przedmiot badań, nie tylko polskich czy sowieckich historyków.

Celem artykułu jest analiza podstawowych kierunków anglojęzycznej historiografii poświęconej tej wojnie. Autor rozpatruje następujące zagadnienia: dyskusję nad chronologicznymi ramami wojny, przyczyny jej wybuchu oraz jej zadania i charakter. Analizuje również oceny Traktatu Ryskiego, próby uregulowań granicznych, politykę narodowościową oraz wzajemne stosunki i kontakty liderów politycznych z rosyjską „białą” emigracją.

Autor, omawiając rozwój badań historyków nad wojną i jej problemami, wydziela trzy etapy w interpretowaniu tego wydarzenia (1921–1939; 1939–1945; 1946– do lat osiemdziesiątych).

W pracy wykorzystano dostępną autorowi anglojęzyczną literaturę, dotyczącą omawianej wojny sowiecko-polskiej.

³⁹ Wandycz, *op. cit.*, c. 126.

⁴⁰ Davies, *op. cit.*, c. 65.